

Я ДУМАЛ,
ТЫ
СТАНЕШЬ
КЕМ-ТО

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

18+

Алексей Корнелюк

Я думал, ты станешь кем-то

<https://litres.ru/74075503>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он не хотел стать великим. Он просто боялся остаться обычным.

Сергей Лисицын почти сорок лет жил нормально. Работа, семья, ипотека, дочь, старая машина, редкие встречи с друзьями, усталость по утрам и привычка отвечать всё нормально, даже когда внутри скребло так, будто там кто-то ложкой снимал ржавчину. А потом на встрече выпускников бывший одноклассник бросил фразу: Я думал, ты станешь кем-то. Не оскорбил. Не унизил. Просто сказал вслух то, от чего Сергей всю жизнь пытался убежать.

С этого вечера он начинает доказывать. Жене. Отцу. Одноклассникам. Молодому коллеге. Себе семнадцатилетнему, наглому, голодному, ещё уверенному, что жизнь обязательно даст ему большую сцену. Сергей ввязывается в рискованную сделку, начинает гнать себя, врать, сравнивать, считать чужие победы и презирать свою обычную жизнь. Пока однажды не понимает: он так боялся быть неудачником, что чуть не потерял единственное настоящее, что у него было.

Содержание

Глава 1. Я думал, ты дальше всех пойдёшь	4
Глава 2. Дом, который показался маленьким	26
Глава 3. В шесть утра люди не становятся людьми	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алексей Корнелюк

Я думал, ты станешь кем-то

Глава 1. Я думал, ты дальше всех пойдёшь

Сергей Лисицын начал врать ещё в гардеробе, хотя ничего такого не планировал. Он просто снял куртку, протянул её женщине с лицом уставшей иконы из районной поликлиники, получил пластиковый номерок и услышал за спиной голос, который пах школьным спортзалом, дешёвым одеколоном и мокрыми кроссовками после физкультуры.

— Лис? Ты, что ли?

Сергей обернулся с выражением человека, у которого всё в жизни в порядке, кроме, возможно, качества воздуха. Перед ним стоял Костик Жеребцов — бывший толстяк, бывший отличник, бывший мальчик с вечными соплями и пеналом в виде гоночной машины. Теперь Костик был не толстяк, не отличник и точно не мальчик. Он был плотный, лысоватый, борода клинышком, пальто дорогое, живот деловой, не распушенный, а как будто утверждённый бухгалтерией. На руке часы. Не такие, чтобы кричать, но достаточно тяжёлые, чтобы Сергей сразу их заметил и сделал вид, что не заметил.

— Я, — сказал Сергей. — А ты чего, Жеребец, совсем человеком стал?

Костик засмеялся, обнял его одной рукой, другой придер-
жал телефон, будто боялся, что тот выскользнет и начнёт
жить отдельно.

— Да какой человеком. Так, пытаюсь. Ты-то как? Чем за-
нимаешься?

Вот тут Сергей мог сказать правду. Руководитель отдела
продаж в компании, которая продавала инженерное обору-
дование, расходники, крепёж, какие-то проклятые муфты,
насосы, клапаны и железные штуки, о которых нормальные
люди вспоминали только тогда, когда у них что-нибудь тек-
ло, скрипело или взрывалось. Зарплата нормальная, если не
смотреть по сторонам. Ипотека. Дочь. Жена. Машина, кото-
рая заводилась не с первого раза только зимой, зато летом де-
лала вид, что она ещё ого-го. Жизнь без катастрофы. Жизнь,
за которую в новостях не стыдно. Жизнь, которую почему-то
было невозможно произнести вслух перед человеком с тяжё-
лыми часами.

— В продажах, — сказал Сергей и сам услышал, как это
прозвучало. Как будто он до сих пор таскал коробки с рынка.
— Но сейчас думаю одну тему запускать. Свой проект.

Костик кивнул с уважением, которое Сергей тут же воз-
ненавидел, потому что оно было выдано авансом, а авансы
всегда пахнут будущим позором.

— Красавчик. Давно пора. Ты всегда голова был.

Всегда голова. В школе эту фразу говорили учителя, когда хотели, чтобы он перестал рисовать на последней странице тетради уродливых президентов с рогами. Мать говорила это соседкам, когда он выигрывал районную олимпиаду. Отец говорил иначе: «С твоей головой можно было бы человеком стать». И почему-то именно отцовская версия застряла в нём, как рыба кость. Не «ты умный». Не «я горжусь». А можно было бы. То есть пока не стал. Пока заготовка. Пока полуфабрикат. Пока мужчина в вакуумной упаковке.

Ресторан назывался «Мята и мрамор», что уже было подозрительно. Сергей не доверял местам, где в названии соединяли растение и строительный материал. Такие места обычно брали деньги не за еду, а за право сидеть под лампочкой красивее, чем ты есть. У входа стояла худая девушка в чёрном платье и с улыбкой человека, который давно простил человечество за наличные. Она нашла их бронь, провела в зал и махнула рукой в сторону длинного стола, где уже сидела часть одиннадцатого «Б», слегка расплывшаяся, облысевшая, отремонтированная стоматологами, кредитами и разводами.

— Серёга! — крикнул кто-то. — Лисицын! Живой!

— Пока да, — сказал Сергей. — Но вечер только начался.

Они заржали. Хорошо заржали, по-школьному, потому что первое время на таких встречах все радовались не друг другу, а тому, что смерть пока выбрала кого-то другого. Потом начиналась инвентаризация. Кто чем стал. Кто где жи-

вёт. Кто сколько весит, но вслух это не говорилось. Кто на ком женился. Кто развёлся. Кто уехал. Кто вернулся, как побитая собака, и теперь называл это «осознанным выбором региона». Кто купил квартиру. Кто купил вторую. Кто открыл бизнес. Кто закрыл бизнес и теперь говорил, что получил опыт. Опыт был такая удобная штука: им можно было прикрыть любую финансовую яму, как ковриком в прихожей.

Сергей сел между Костиком и Леной Сизовой. Лену он узнал не сразу. В школе она была девочкой с двумя косами, прыщом на подбородке и почерком, которому завидовала даже учительница русского. Теперь у неё были короткие волосы, усталые глаза и лицо женщины, которая слишком много раз видела людей без красивых историй про себя. Она работала врачом. Кажется, психиатром или неврологом, Сергей не запомнил, потому что слово «психиатр» всегда делало разговор либо слишком серьёзным, либо слишком шутивым, а он не любил оба варианта.

— Привет, Лисицын, — сказала она. — Ты всё ещё шутишь раньше, чем здороваешься?

— Это защитная реакция организма.

— Организм бы лучше выпался.

— Ты сейчас как врач сказала или как бывшая отличница?

— Как человек, который видит мешки под глазами на расстоянии трёх метров.

Сергей хотел ответить что-нибудь бодрое, но официант

принёс меню, и все сделали вид, что не знают цен. Меню было из тех, где салат описывали так подробно, будто он пережил войну, эмиграцию и токсичные отношения. «Томаты с фермерским сыром и маслом из трав». Сергей посмотрел на цену и подумал, что за эти деньги томаты могли бы хотя бы позвонить его матери и сказать, что с ним всё будет хорошо.

— Ну что, мужики, — сказал Костик, листая меню. — Берём мясо? Или кто сейчас в этих ваших правильных темах?

— Я после сорока стал есть меньше мяса, — сказал Макс Громов, бывший капитан школьной команды по баскетболу. Теперь он был красный, большой и сидел так, будто стул находился у него в подчинении. — Давление, холестерин, жена с ума сходит. Говорит: умрёшь, козёл, кто ипотеку платить будет?

— Любовь, — сказала Лена. — В зрелом виде.

— Ага, — кивнул Макс. — У нас вся любовь через платёжный календарь.

Сергей засмеялся вместе со всеми, но смех у него вышел короткий, служебный. Он подумал о Тане. Перед выходом она стояла в дверях спальни с его рубашкой в руках и смотрела так, будто видела не мужа, а пятно, которое не отстирывается уже двенадцать лет.

— Надень синюю, — сказала она. — Она тебе идёт.

— Я не на смотрины.

— Ты на встречу выпускников. Это хуже.

— Там всем плевать.

— Если бы тебе было плевать, ты бы не мерил три рубашки и не матерился на живот.

Он тогда сказал что-то неприятное. Не грубое даже. Сухое. Из тех фраз, которые потом валяются в квартире, как осколки стекла, и все ходят аккуратно, делая вид, что ничего не блестит на полу.

— Тебе виднее, — сказал он. — Ты же у нас специалист по моему животу.

Таня молча положила синюю рубашку на кровать. Не бросила. Не швырнула. Просто положила. Это было хуже. Когда женщина бросает вещь, можно хлопнуть дверью и считать себя участником страстной семейной драмы. А когда она спокойно кладёт рубашку, ты просто мудака в прихожей, который никак не может застегнуть пуговицу на шее, потому что шея тоже решила участвовать в общем заговоре возраста.

Сергей всё-таки надел синюю. Теперь сидел в ней под ресторанной лампочкой, пил воду с лимоном и ненавидел себя за то, что хочет заказать не самое дешёвое блюдо. Не потому что голоден. Потому что Костик рядом уже заказал стейк, Макс — что-то с тунцом, а Лена — суп, спокойно, без всякой борьбы. У неё была эта отвратительная свобода людей, которые не соревнуются в меню.

— А Денис будет? — спросил кто-то с дальнего конца стола.

Разговор чуть просел. Даже официант как будто медлен-

нее поставил бокалы. Денис Кравцов был школьной легендой наоборот. Не отличник, не спортсмен, не заводила. Маленький, злой, с вечно обкусанными ногтями и матерью, которая приходила на родительские собрания в пуховике с оторванным карманом. Его жалели так, как дети умеют жалеть. громко, обидно и с удовольствием. Потом Денис исчез после девятого класса, перевёлся куда-то, а спустя годы всплыл в интернете с фотографиями возле машин, стеклянных офисов, яхт, женщин и людей, у которых лица всегда были повернуты к деньгам. Он стал тем самым неудобным доказательством, что жизнь не обязана распределять призы по школьному табелю.

— Будет, — сказал Костик. — Он писал. Опаздывает. У него встреча какая-то.

— Конечно, — сказал Макс. — У кого-то же должна быть встреча. Мы-то так, пришли пожрать.

— Не завидуй, — сказала Лена.

— Я не завидую. Я презираю с интересом.

Сергей снова засмеялся, но внутри что-то маленькое и неприятное уже проснулось. Как таракан за холодильником. Не видно, но ты знаешь, что он там, шевелит усами, ждёт ночи.

Первые полчаса всё было почти хорошо. Они вспоминали учителей. Физрука, который называл всех «пассажирами» и носил свисток даже в столовую. Химичку, которая однажды кинула мел в Артёма Боброва и попала в портрет Менделе-

ева. Классную руководительницу Нину Васильевну, которая верила, что из них выйдут люди, и, возможно, поэтому ушла на пенсию раньше времени. Они смеялись над школьными драками, контрольными, чужими причёсками, старой диско-текой, где Сергей впервые поцеловал Юльку Климову за колонкой, а потом три дня ходил с лицом космонавта, вернувшегося с секретной миссии.

Потом разговор незаметно перешёл в настоящее. Не резко. Никто не хлопнул по столу и не сказал: «Ну что, ублюдки, предъявляйте достижения». Нет. Всё случилось культурно. Через детей, районы, отпуска, работу, ремонт, школы, цены, врачей, жильё. Через слова «мы взяли», «мы продали», «мы строим», «мы переехали», «мы вложились», «мы сейчас смотрим». Это «мы» летало над столом жирной мухой. У всех были какие-то «мы», даже у разведённых. «Мы с партнёром». «Мы с командой». «Мы с инвесторами». Сергей тоже говорил «мы», хотя в его случае «мы» чаще всего означало он, Таня и банк, который сидел у них дома невидимым родственником, ел из их кастрюли и спал между ними.

— Серёг, а ты где сейчас? — спросил Макс, разрезая рыбу так уверенно, будто она была его подчинённой.

— В «Техноснабе», — сказал Сергей. — Руководитель отдела.

— Нормально?

— Нормально.

Слово упало на тарелку и умерло. Нормально. Самое жал-

кое слово взрослого мужчины. Им закрывали всё: брак, здоровье, зарплату, настроение, секс, отношения с отцом, состояние машины, давление в груди и желание однажды выйти за хлебом и не вернуться. Нормально — это когда нельзя пожаловаться, но и похвастаться нечем. Нормально — это серый коридор между «плохо» и «есть что выложить».

— А свой бизнес не думал? — спросил Костик.

Сергей почувствовал, как Лена чуть повернула к нему голову. Не сильно. Просто воздух возле неё изменился. Врачи вообще опасные люди. Они делают вид, что слушают слова, а сами смотрят, как у тебя дёргается мышца у рта.

— Думал, — сказал Сергей. — Сейчас как раз смотрю один вариант. Не хочу раньше времени говорить.

— О, интрига, — сказал Макс. — Смотри, Лис, главное — не думай долго. Мы уже не в том возрасте, чтобы ждать идеального момента.

Сергей кивнул. Он ненавидел эту фразу. «Мы уже не в том возрасте». Как будто возраст — это клуб, куда тебя приняли без заявления, выдали полотенце, дряблую шею, анализы и запрет на поздний старт. В двадцать тебе говорят: рано. В тридцать: пора. В сорок: поздно. Прекрасная система. Главное — ни в какой момент не жить.

— Я не жду, — сказал Сергей. — Просто считаю.

— Он всегда считал, — сказала Лена. — Даже когда спысывал.

— Это называется стратегическое мышление.

— Это называлось “Лена, подвинь тетрадь”.

Они засмеялись. Сергей тоже. На секунду стало легче. Лена умела возвращать его в те времена, где он ещё не был просроченным проектом. Где всё только начиналось, а жизнь впереди была огромной, как школьная доска в сентябре: чистая, зелёная, мерзкая, обещающая ошибки, но ещё не выставившая оценку.

Потом пришёл Денис.

Сначала в зал вошёл его запах. Не парфюм даже, а вся эта дорогая уверенность, которую сейчас продавали в бутиках вместе с ремнями, улыбками и способностью не извиняться. Потом появился он сам: высокий, сухой, загорелый, в чёрной водолазке и пиджаке, который сидел на нём так, будто его не шили, а выращивали прямо на теле. Волосы короткие, седины у висков не старила, а работала на бренд. Зубы ровные. Улыбка лёгкая. На запястье часы, но уже не как у Костики. Эти часы не надо было замечать. Они сами замечали тебя.

— Простите, братья и сёстры, — сказал Денис, распахивая руки. — Деньги не отпускали.

— Хоть кто-то из нас честен, — сказала Лена.

Денис посмотрел на неё, прищурился, потом рассмеялся.

— Сизова? Да ладно. Ты стала красивой и опасной. Это вообще законно?

— У меня справка.

— Не сомневаюсь.

Он обнял Костику, хлопнул Макса по плечу, пожал руки

тем, кого помнил, и тех, кого не помнил, назвал по именам, потому что подготовился. Сергей это заметил. Денис всегда был из тех людей, которые превращали внимание в оружие. В школе он молчал в углу и смотрел. Тогда казалось — от обиды. Теперь стало ясно — он собирал данные.

— Лисицын, — сказал Денис и задержался перед Сергеем на полсекунды дольше, чем нужно. — Ты вообще не изменился.

Это была ложь. Одна из тех вежливых ложей, которыми взрослые мужчины обмениваются вместо цветов. Сергей изменился. У него было лицо человека, который научился терпеть планёрки, недосып, скидки клиентам, чужие истерики, детские болезни, семейные счета, отцовские замечания и зеркало в примерочной. Он не просто изменился. Его аккуратно, год за годом, подпиливали реальностью, как ножку у стула, чтобы не шатался. Но Денис сказал «не изменился», и Сергей почему-то обрадовался. Как идиот. Как мальчик, которому вернули старую кличку и вместе с ней кусок кожи.

— Ты тоже, — сказал Сергей.

— А вот это уже грубая лесть, — улыбнулся Денис. — Я, брат, изменился. Я очень старался.

Он сел напротив. Не рядом, не с краю, не случайно. Напротив. У Дениса вообще не было случайностей. Он заказал воду без газа, уточнил температуру, попросил лимон отдельно, не потому что был капризным, а потому что заставлял мир чуть-чуть подвинуться всякий раз, когда открывал рот.

Официантка кивала так, будто ей выдавали инструкции по эвакуации.

— Ну рассказывайте, — сказал Денис. — Кто кем стал? Только коротко, а то я сентиментальный, могу расплакаться в салат.

— Ты первый, — сказал Макс. — А то у нас тут все скромничают, как бедные родственники.

— Я? Да что я. Девелопмент, инвестиции, немного логистики, немного складов, немного коммерческой недвижимости. В основном скука. Взрослые люди делают вид, что понимают рынок, рынок делает вид, что не смеётся.

— То есть деньги есть, — сказал Костик.

— Деньги есть у государства. У нас временно лежат.

Снова смех. Лёгкий, зависимый. Все смеялись чуть охотнее, чем шутка заслуживала. Сергей тоже. Денис говорил просто, без надрыва, без этой мелкой просьбы «оцените меня», которая торчала из остальных, как нитка из дешёвого пиджака. Он не выпрашивал признание. Он раздавал его сам. Костика назвал «аккуратным капиталистом». Макса — «генералом домашних войск». Лену — «человеком, который видит нас насквозь, но пока милосердно молчит». Когда дошло до Сергея, тот уже успел выпить полбокала воды и почувствовать, что воротник синей рубашки натирает шею.

— А Лис у нас? — спросил Денис. — Я помню, ты же был мозг класса. Мы все думали, что ты либо министром станешь, либо сядешь за попытку государственного перево-

рота.

— Второе пока в разработке, — сказал Сергей.

— Прекрасно. А если серьёзно?

Сергей почувствовал, как стол чуть наклонился в его сторону. Конечно, никто не наклонялся. Все жевали, пили, улыбались. Но внутри у него уже включили прожектор. Он ненавидел прожекторы. В прожекторе сразу видно, что пиджак не новый, что ремень куплен по скидке, что живот не катастрофа, но уже позиция, что под глазами не усталость героя, а обычный мужской недосып, не имеющий художественной ценности.

— Работаю, — сказал он. — Руководитель отдела. Но сейчас смотрю в сторону своего дела.

— В какую сторону? — Денис говорил мягко, почти по-дружески.

— Производственная тема. Поставки. Есть несколько контактов. Думаю собрать людей.

Ложь разрасталась прямо у него во рту. Ещё минуту назад была «одна тема». Теперь уже «несколько контактов» и «собрать людей». Сергей почти видел, как слова выходят из него в дорогой зал, покрываются лаком и садятся на стол между тарелками. Красивые. Чужие. Скользкие.

— Хорошо, — сказал Денис. — Очень хорошо. Ты всегда был не для найма.

Эта фраза попала куда-то под рёбра. Сергей даже вдохнул не сразу. Не для найма. Господи, как же дешево покупается

взрослый мужик. Скажи ему, что он не создан для клетки, и он сам принесёт тебе ключи от квартиры.

— Да я и сам это понимаю, — сказал Сергей. — Просто долго не хотел суетиться.

Лена кашлянула. Или усмехнулась. Или подавилась супом. Сергей не посмотрел.

— Не хотел суетиться, — повторил Денис и кивнул так, будто фраза была достойна записи. — Умно. Суетятся бедные. Богатые двигаются.

Костик поднял бокал.

— За движение тогда.

— За движение, — сказал Макс. — И чтобы суставы не хрустели.

Они выпили. Сергей тоже поднял бокал с водой. Он сегодня решил не пить. Не из принципа. Просто завтра надо было ехать с Машей за кроссовками, потом к отцу завезти лекарства, потом доделать отчёт, потом ещё какая-то семейная мутота, из которой состояла взрослая суббота. Но теперь, после слов Дениса, ему захотелось виски. Не напиться. Просто чтобы рука держала что-то более серьёзное, чем вода с лимоном.

— Принесите мне виски, — сказал он официантке, когда она проходила мимо.

— Какой?

Сергей открыл меню, посмотрел в раздел напитков, увидел цены и на секунду потерял веру в цивилизацию.

— Любой нормальный, — сказал он. — Без фанатизма.
Денис улыбнулся.

— Хорошая стратегия.

Сергей хотел сказать: «Пошёл ты». Но сказал:

— Работает.

Вечер поплыл. Люди говорили громче, стулья отодвигались чаще, официанты носили тарелки, будто эвакуировали имущество из горящего дома. Где-то за соседним столом женщина смеялась так, будто ей срочно нужно было доказать всем бывшим, что она счастлива. В углу двое мужчин обсуждали стройку. На стене висело абстрактное полотно, похожее на снимок больной печени. Сергей пил виски маленькими глотками и чувствовал, как внутри у него расправляется что-то опасное. Не уверенность. Нет. Уверенность — вещь спокойная. А это было похоже на злость, переодетую в шанс.

Денис рассказывал истории. Не хвастался в лоб. Это было бы вульгарно. Он будто случайно упоминал людей, суммы, города, сделки, встречи. «Когда мы в Дубае смотрели объект...» «Один парень из фонда сказал...» «Я тогда понял, что бедность — это не в кошельке, а в скорости реакции...» Все слушали. Даже те, кто делал вид, что не слушает. Сергей тоже слушал. В какой-то момент он поймал себя на том, что сидит чуть подавшись вперёд, как школьник на физике, когда учитель показывает опыт со взрывом, и ты надеешься, что сейчас наконец рванёт по-настоящему.

— Знаешь, в чём проблема нашего поколения? — сказал

Денис, повернувшись к Сергею. — Нас учили быть хорошими исполнителями. Не голодными. Не злыми. Не наглыми. А мир забрали те, кто не ждал разрешения.

— Мир всегда забирают наглые, — сказала Лена. — А потом врачи забирают нагих с давлением, паническими атаками и третьим разводом.

— Сизова, не порть мне красивую речь медициной.

— Ты сам испортился раньше.

Денис рассмеялся, но на этот раз чуть жёстче.

— Ладно, доктор. Но я серьёзно. Мы же все тогда думали, что достаточно быть умным. Учиться, читать, не быть идиотом. А оказалось, умных — как грязи. Решают те, кто встаёт и берёт.

— Иногда те, кто встаёт и берёт, просто воруют, — сказала Лена.

— Иногда. Но чаще они просто берут то, на что остальные смотрят и рассуждают, имеют ли право.

Сергей почувствовал, что разговор уже не общий. Денис смотрел на него. Не давил, нет. Хуже. Приглашал. Как будто за столом вдруг открылась дверь, и за ней была не кухня ресторана, а другая жизнь. Где он не объясняет Тане, почему опять не получилось отложить. Не смотрит на отцовскую табуретку, которую тот чинит третий год. Не слушает Игоря на работе, молодого, борзого, с его дурацкими идеями и вечными заметками в телефоне. Не выбирает кроссовки Маше по скидке. Не считает, сколько осталось до зарплаты. Не го-

ворит «нормально».

— Ты что думаешь, Лис? — спросил Денис.

Сергей пожал плечами.

— Думаю, что брать тоже надо уметь. А то можно взять не своё и подавиться.

— Вот, — Денис ткнул в него пальцем. — Поэтому я всегда говорил: у тебя голова. Ты не из этих, которые просто бегут за блестящим.

Лена смотрела в свою чашку. Макс спорил с Костиком о налогах. Кто-то выкладывал фотографию в общий чат. Мир продолжал работать, как дешёвый вентилятор: шумно, бессмысленно, но создавая видимость движения.

— Надо будет поговорить, — сказал Денис тихо. — Без этой школьной ярмарки тщеславия. Есть одна штука. Может быть тебе интересно.

Сергей должен был сразу насторожиться. Взрослый человек, особенно взрослый мужчина с ипотекой и не самой свежей машиной, обязан настораживаться, когда бывший одноклассник в дорогом пиджаке говорит «есть одна штука». Это должно звенеть в голове пожарной сигнализацией. Но в голове у Сергея звенело другое. Не сигнализация. Школьный звонок. Тот самый, после которого все выбегали в коридор, толкались, орали, были живыми и ещё не знали, что через двадцать лет будут сидеть в ресторане и мерить друг друга невидимыми линейками.

— Можно, — сказал Сергей. — Набери.

— Наберу.

Потом они фотографировались. Это была обязательная часть казни. Все встали у стены с искусственным мхом, потому что ресторан решил: если люди платят за салат, они заслужили сфотографироваться на фоне зелёной мочалки. Мужчины втягивали животы, женщины поворачивались правильной стороной, кто-то шутил, что надо включить фильтр «минус пятнадцать лет и две ипотеки». Сергей стоял рядом с Денисом и чувствовал плечом его пиджак. Ткань была мягкая, дорогая. У Сергея на локте синей рубашки была складка, которую он заметил ещё в машине и всю дорогу пытался разгладить ладонью.

— Серёга, улыбнись, — крикнул Костик. — Ты как на собрании кредиторов.

— Я там обычно веселее.

Снимали несколько раз. У кого-то были закрыты глаза, кто-то двинулся, у Макса получилось лицо человека, который только что предал родину и шашлык. Все смеялись. Потом начали прощаться, обниматься, обещать не пропадать, создать отдельный чат, встретиться летом, позвать учителей, съездить на природу, жить дружно и вообще перестать быть теми муравьями, которые случайно встретились на сахарнице и снова разбежались по своим щелям.

У гардероба Сергей оказался рядом с Денисом. Тот доставал пальто и говорил по телефону на полтона ниже обычного. Сергей не слушал. То есть слушал, конечно. Взрослый

мужчина вообще много чего делает «не», когда на самом деле делает.

— Да, завтра посмотрю документы. Нет, Серёга может быть полезен. Не тот Серёга. Другой. Умный, но пока нераскрытый.

Нераскрытый. Сергей взял куртку и почему-то чуть сильнее сжал номерок. Пластик впился в пальцы. Он хотел разозлиться. «Пока нераскрытый» звучало как диагноз консервной банки. Но злость не пришла. Пришёл стыд. Тёплый, знакомый, домашний. Как тапки у входа.

Денис убрал телефон.

— Извини. Дела.

— Бывает.

Они вышли на улицу. Было холодно, асфальт блестел после недавнего дождя, машины шуршали по проспекту, люди курили у входа, и пар изо рта у них выходил так, будто внутри каждый держал маленькую полонку. Сергей застегнул куртку. Денис стоял рядом без шапки, без дрожи, как человек, которому погода тоже была немного должна.

— Слушай, Серёг, — сказал он вдруг. — Я вот смотрел сегодня на тебя и вспомнил школу. Честно. Ты тогда был самый... даже не умный. Умных много было. Ты был злой в хорошем смысле. Голодный. С глазами такими, будто тебе весь мир тесный.

Сергей усмехнулся.

— Видимо, мир расширился.

— Нет, — сказал Денис. — Ты просто сел.

Сергей повернул к нему голову.

— В смысле?

Денис посмотрел на него почти ласково. Вот в этом и была гадость. Не с презрением. Не сверху. Почти с сожалением.

— Да ни в каком. Просто... — он пожал плечами. — Я думал, ты дальше всех пойдёшь.

Фраза была не громкая. Не театральная. Не с музыкой. Рядом кто-то хлопнул дверцей такси, женщина в красном пальто смеялась в телефон, охранник ресторана прикуривал, водитель доставки поправлял рюкзак с едой. Мир не заметил. Мир вообще редко замечает, когда в человеке что-то ломается. Он занят: светофоры, счета, скидки, новости, дети хотят есть, старики хотят внимания, начальство хочет отчёт до понедельника.

Сергей улыбнулся. Хорошо улыбнулся. Почти профессионально.

— А я ещё иду, — сказал он.

— Вот и отлично, — Денис хлопнул его по плечу. — Тогда поговорим.

Он ушёл к чёрной машине, которая подъехала слишком вовремя, чтобы быть случайной. Сергей остался у ресторана с курткой, застёгнутой криво, с привкусом виски во рту и с фразой, которая уже ходила по нему, как хозяин по новой квартире. Я думал, ты дальше всех пойдёшь. Не «как ты». Не «рад тебя видеть». Не «все мы постарели, брат». Нет. Даль-

ше всех. Пойдёшь. А он куда пришёл? К ресторану с мятой и мрамором, в синей рубашке, выбранной женой, с ипотекой, с машиной, которая зимой кашляла, с дочерью, которой завтра нужны кроссовки, с отцом, который скажет: «Ну что там твои одноклассники? Людьми стали?»»

Он достал телефон. На экране было сообщение от Тани: «Ты скоро?» Ни смайлика. Ни упрёка. Просто два слова. Дома его ждали. Не сцена, не победа, не доказательство. Ждали жена, ребёнок, тёмная кухня, контейнер с котлетами, школьная форма на стуле, неоплаченная квитанция, жизнь. Обычная. Его. Почему-то именно это показалось ему в тот момент самым унижительным.

Сергей набрал: «Скоро». Потом стёр. Написал: «Еду». И тоже стёр. Потом просто сунул телефон в карман и пошёл пешком до угла, хотя такси можно было вызвать за десять секунд. Ему надо было пройтись. Не проветриться. Проветриваются люди, у которых в голове душно. У него там было хуже. Там кто-то открыл старый школьный дневник, нашёл пустую страницу за будущее и красной ручкой вывел: «Не оправдал».

На углу он остановился у витрины закрытого салона мужской одежды. В стекле отражался мужчина тридцати девяти лет. Не урод. Не старик. Не развалина. Просто обычный мужик с усталым лицом, немного помятой рубашкой под курткой, щетиной, которую утром было лень добрить, и глазами человека, который всю жизнь ждал, что его наконец вызовут

к доске и скажут: теперь докажи.

Он смотрел на отражение долго. Машины проезжали за его спиной, свет фар резал стекло, и на секунду ему показалось, что отражение улыбается не так, как он. Чуть наглее. Чуть моложе. Чуть голоднее.

Телефон завибрировал. Сообщение от незнакомого номера.

«Лис, это Денис. Завтра в 12 кофе? Есть разговор. Думаю, тебе пора перестать сидеть».

Сергей прочитал. Потом ещё раз. Потом убрал телефон. Потом снова достал. Набрал одно слово.

«Давай».

И только после этого пошёл домой.

Глава 2. Дом, который показался маленьким

Квартира показалась Сергею маленькой ещё до того, как он открыл дверь. Он стоял на площадке, держал ключи в руке и смотрел на облупившийся угол возле лифта, где кто-то когда-то пытался оттереть детскую наклейку с единорогом, но сдался на половине. Единорог остался без головы. Тело розовое, крыло одно, хвост радужный, а головы нет. Хорошая, честная эмблема подъезда. Все куда-то стремились, все чем-то блестели, но рано или поздно кто-нибудь приходил с тряпкой и бытовой химией и снимал тебе лицо.

Сергей тихо вставил ключ. Первый замок провернулся нормально, второй, как всегда, упёрся. Этот замок отец советовал поменять уже три года. «У тебя дверь как у беженца, Серёг. Мужик должен хотя бы вход в дом держать в порядке». Отец вообще считал, что мужик должен очень много чего. Держать дверь. Держать слово. Держать удар. Держать семью. Держать себя. Не ныть. Не жиреть. Не путать отвертку с шилом. Не покупать готовые котлеты. Не платить мастеру за то, что можно сломать самостоятельно, а потом всё равно вызвать мастера, но уже за двойную цену. Сергей иногда думал, что отец родился не человеком, а инструкцией по эксплуатации советского холодильника: тяжёлой, серой,

с мелким шрифтом и вечным пунктом «при неисправности не паниковать».

Замок наконец щёлкнул. В прихожей было темно, пахло обувью, детским шампунем, пылью из батареи и чем-то домашним, что нельзя было назвать запахом, но можно было потерять и потом всю жизнь искать в чужих квартирах. На коврике стояли Машины кроссовки с развязанными шнурками. Маленькие, белые, уже с серой полосой сбоку. Завтра надо было купить новые. Он обещал. Вернее, Таня сказала: «Завтра съездите, она уже месяц ходит в этих, стелька сбилась». А Сергей ответил: «Угу». У взрослых мужчин «угу» часто работает как расписка, только без юридической силы.

Он снял ботинки, повесил куртку и замер. Из кухни пробивалась тонкая полоска света. Таня не спала.

Конечно.

Жёны вообще странные существа. Могут лечь в одиннадцать, сказать «я очень устала», закрыть глаза, повернуться к стене, а потом в час ночи сидеть на кухне с чашкой чая и таким лицом, будто ты не домой пришёл, а на допрос в страну, где давно отменили адвокатов.

Сергей прошёл по коридору, стараясь не наступить на скрипучую доску возле шкафа, хотя доска всё равно скрипнула. Предательница. На кухне Таня сидела в старой серой футболке, в которой спала последние лет семь, но почему-то именно в ней всегда выглядела опаснее, чем в любом платье. Волосы собраны в кривой пучок, на носу очки, перед ней

чашка, телефон экраном вниз и тарелка с одним недоеденным яблочным кусочком. Она резала яблоко, значит, ждала долго. Когда Таня ждала недолго, она пила чай. Когда ждала долго, начинала резать что-нибудь мелкое, аккуратное, беззащитное.

— Привет, — сказал Сергей.

— Привет.

— Не спишь?

— Как видишь.

— Я тихо.

— Очень. Особенно замок оценил твою деликатность.

Сергей кивнул, будто замечание было техническим и его можно было принять к сведению без внутреннего ущерба. Он подошёл к раковине, налил воды в стакан, выпил. Вода была тёплая, с привкусом старых труб и семейного быта. После ресторанного виски она казалась наказанием.

— Как прошло? — спросила Таня.

— Нормально.

Она чуть усмехнулась. Не весело. Так, уголком рта. «Нормально» опять вышло на работу, как ночной сторож.

— Все живы?

— Почти. Некоторые лучше, чем должны были.

— Это как?

— Да так. Постарели, похвастались, разошлись.

Таня посмотрела на него внимательнее. Она всегда видела слишком много. Не как Лена, врачебно, с холодной точ-

ностью. Таня видела бытовым зрением. Женским. Опасным. По тому, как ты поставил стакан, могла понять, что ты со-
врал. По тому, как разулся, что получил удар. По тому, как
молчишь, что уже придумываешь себе оправдание.

— Ты пил?

— Немного.

— Ты же говорил, что не будешь.

— Я много чего говорю.

Это прозвучало хуже, чем он хотел. У него вообще после
встречи все фразы стали выходить с занозами. Таня не отве-
тила сразу. Она взяла кусочек яблока, покрутила его в паль-
цах и положила обратно на тарелку. Не съела. Просто дала
ему умереть от неловкости.

— Понятно.

— Что понятно?

— Ничего. Просто понятно.

— Тань, не начинай, а?

— Я ещё даже не начинала.

— Вот и хорошо.

— Ты пришёл домой злой, хотя вроде должен был при-
йти довольный. Значит, там кто-то сказал что-то, что попало
куда надо. Теперь ты будешь делать вид, что это я тебя раз-
дражаю.

Сергей поставил стакан на стол. Слишком громко. Вода
плеснулась на клеёнку, и капля поползла по нарисованной
ветке лимона. Таня купила эту клеёнку весной, потому что

старая была «уже как наша семейная нервная система — вся в порезах». Он тогда засмеялся. Сейчас не хотелось.

— Ты когда так говоришь, у меня ощущение, что я не домой пришёл, а на приём.

— А ты дома давно не был.

— Началось.

— Нет, Серёж. Не началось. Продолжается.

Он сел напротив неё. Стул скрипнул под ним так, будто тоже имел мнение. На холодильнике висели магниты: Турция пятилетней давности, Сочи, где они ругались три дня из семи, Новосибирский зоопарк, какая-то Машина поделка из солёного теста, похожая на расплющенного ангела. Рядом висели детские рисунки. На одном динозавр сидел за столом и подписывал бумажки. Внизу кривыми буквами было написано: «ТИРАНОЗАВР ДИРЕКТОР ПО КРИКУ». Сергей раньше смеялся каждый раз, когда видел этот рисунок. Сейчас взгляд зацепился за слово «крику», и стало мерзко. Не потому что он кричал. Он не был из тех отцов, которые орут так, что у ребёнка потом всю жизнь плечи у ушей. Он кричал редко. Но в доме был его воздух. Когда он приходил раздражённый, все начинали двигаться осторожнее. Даже чайник закипал тише.

— Маша спит? — спросил он.

— Да.

— Завтра кроссовки купим.

— Она уже не очень хочет с тобой ехать.

— В смысле?

— В прямом. Сказала, что можно заказать.

— Почему?

Таня посмотрела на него с усталостью, которая не нападала, а просто лежала между ними, как большая мокрая тряпка.

— Потому что ты в магазине начинаешь нервничать через десять минут. Потому что тебе всё дорого, всё долго, продавцы тупые, размеры неправильные, музыка громкая, а Маша ходит и чувствует, что она виновата в том, что у неё выросла нога.

— Я не говорил, что она виновата.

— Дети не ждут нотариального заверения, Серёж. Они атмосферу читают быстрее нас.

Он хотел возразить. Очень хотел. В нём поднялась готовая речь: я работаю, я зарабатываю, я не печатаю деньги, я устаю, я не обязан радоваться каждому походу за кроссовками, у меня тоже есть нервы, у меня тоже есть жизнь, хотя всем почему-то кажется, что моя жизнь — это сервисный центр для ваших запросов. Речь была хорошая, мужская, обкатанная, с удобными поворотами и местами для аплодисментов от внутреннего адвоката. Но он посмотрел на рисунок динозавра-директора и не произнёс её. Не из благородства. Просто сил не хватило.

— Ладно, — сказал он. — Закажем.

— Вот именно это и обидно.

— Что?

— Что ты не понял.

— Тань, я сейчас не в состоянии разгадывать квесты. Скажи прямо.

— Ей не кроссовки нужны. Ей с тобой день нужен. Но такой, где ты не мученик в торговом центре, не человек с калькулятором в глазах и не папа, который физически рядом, а головой ругается с кем-то невидимым.

Сергей резко выдохнул. Невидимый кто-то сегодня был очень даже видимый: Денис Кравцов в чёрной водолазке, с часами, водой без газа, лимоном отдельно и фразой «ты просто сел». Но говорить об этом Тане было нельзя. Не потому что она не поймёт. Она, может быть, как раз поймёт. И это было хуже. Мужчине иногда проще выслушать презрение, чем точное понимание. Презрение можно отбить. Понимание приходится переживать.

— Ты из одной встречи сделала драму на три сезона, — сказал он.

— Нет. Я из одной встречи вижу старую серию, которую уже показывали.

— Какую?

— Ту, где ты приходишь после разговора с каким-нибудь успешным мужиком и пару недель ненавидишь нашу жизнь.

Вот теперь попала. Не ножом даже. Ложкой. Медленно, мерзко, по дну кастрюли.

— Я не ненавижу нашу жизнь.

— Правда?

— Правда.

— Тогда почему ты сейчас смотришь на кухню так, будто мы тебя сюда сослали?

Он отвернулся. В окне кухни отражался он сам, Таня, холодильник, кусок стены, тёмная коробка ночного двора. Кухня была маленькая. Не объективно маленькая — нормальная кухня в нормальной квартире нормальных людей, которые не снимают ролики про идеальное утро. Но сейчас она казалась ему не комнатой, а приговором. Шесть квадратных метров доказательства, что он не стал тем, кем должен был. Старый чайник. Скол на плитке у раковины. Крышка от кастрюли без ручки, которую он обещал починить. Детский рисунок на холодильнике. Танина чашка с трещиной возле ручки. Его жизнь, разложенная по дешёвым полкам.

— Я устал, — сказал он.

— Я тоже.

— Тогда давай спать.

— Давай.

Они встали почти одновременно. Как люди, которые репетировали синхронный отход от разговора много лет. Таня взяла чашку, вылила чай, помыла её сразу. Она всегда мыла чашку сразу, даже ночью. Сергей оставлял в раковине. Это была вся их семейная философия в одном бытовом различии: она не хотела просыпаться среди следов вчерашнего, он верил, что завтра как-нибудь само рассосётся.

В коридоре он остановился у двери Машинной комнаты. Полоска света под дверью не горела. Тихо. Он приоткрыл дверь. Комната пахла детским сном, бумагой, фломастерами и чем-то сладким, хотя Таня запрещала есть в комнате. На стуле висела школьная форма. На полу лежал носок. Один. Второй, видимо, ушёл искать смысл жизни. Маша спала боком, поджав колени, волосы разметались по подушке, одна рука свисала с кровати. На одеяле лежала плюшевая акула с перекошенным ртом. Сергей подарил её Маше год назад в океанариуме, и она сказала: «Она похожа на тебя, когда ты не выспался». Он тогда обиделся понарошку. Или не совсем понарошку. Сейчас акула смотрела на него тупым тканевым глазом, и в этом взгляде было больше спокойствия, чем во всех взрослых людях за вечер.

На столе у Маши лежал новый рисунок. Сергей включил фонарик на телефоне, накрыл свет ладонью, чтобы не разбудить её, и посмотрел. Динозавр стоял перед большим зданием. На здании было написано: «РАБОТА». Динозавр был в галстук и с огромным портфелем. Рядом маленький динозаврик держал воздушный шарик и говорил в облачке: «СМОТРИ». Большой динозавр смотрел не на шарик, а в телефон. Под рисунком было написано: «ПАПА ЗАНЯТ».

Сергей погасил фонарик. Стоял в темноте и слушал, как Маша дышит. У детей дыхание честное. Взрослые даже дышат с оговорками. Он хотел подойти, поправить одеяло, поцеловать её в волосы. Но вдруг испугался, что она проснётся

и спросит: «Пап, ты чего?» А он не знал, чего. Не знал, как объяснить ребёнку, что папу ударили не кулаком, не увольнением, не диагнозом, а фразой бывшего одноклассника в дорогом пиджаке. Что взрослый мужчина может пережить аварию, налоговую, ремонт, температуру у ребёнка, кредитную ставку и тещину фразу «я же говорила», но потом сло-маться от слов: «Я думал, ты дальше всех пойдёшь».

Он вышел и тихо закрыл дверь.

В спальне Таня уже легла. Спина к нему. На тумбочке у неё лежала книга с закладкой, крем для рук, резинка для волос и чек из аптеки. Сергей разделся, бросил рубашку на кресло. Синяя рубашка упала рукавом на пол, как человек после плохой драки. Он снял ремень, джинсы, носки, лёг на свою сторону. Матрас слегка прогнулся. Таня не шевельнулась.

— Тань, — сказал он тихо.

— Что?

— Я завтра съезжу с ней. Нормально. Без психов.

— Угу.

Вот оно. «Угу» вернулось домой, только уже в её исполнении. Заслуженно, в общем. Семейная справедливость всегда работает как бумеранг из дешёвого пластика: летит криво, но попадает.

— Я серьёзно.

— Хорошо.

— Ты мне не веришь?

— Я тебе верю. Просто не уверена, что ты себе веришь.

Он повернулся на спину. Потолок был белый, с маленькой трещиной у люстры. Трещина появилась после того, как соседи сверху делали ремонт и три недели сверлили так, будто пытались найти нефть. Сергей тогда обещал зашпаклевать. Не зашпаклевал. Трещина стала домашней. Они к ней привыкли. Как к раздражению. Как к молчанию. Как к тому, что некоторые вещи вроде бы надо исправить, но можно и так, если не смотреть прямо.

Телефон на тумбочке завибрировал. Сергей быстро взял его, хотя делал вид, что не ждал. Сообщение от Дениса: «Адрес скину утром. Не бери с собой осторожность, она нам не понадобится».

Сергей прочитал, и в животе снова пошевелилось то самое опасное. Неприятное. Живое. Как будто внутри него, среди всех этих квитанций, кроссовок, стульев, яблок, рисунков и трещин на потолке, кто-то открыл дверь на улицу.

— Кто пишет? — спросила Таня.

— Да так. Из чата.

— Угу.

Он положил телефон экраном вниз. Полежал десять секунд. Взял снова. Открыл общий чат выпускников. Там уже летели фотографии. Люди отправляли смайлики, писали «надо чаще», «все красавцы», «какой вечер», «ржу до сих пор», «Макс, ты легенда», «Лена, ты вообще не изменилась». Сергей пролистал. Нашёл общую фотографию у стены

с мхом. Увеличил. Все выглядели примерно одинаково плохо и хорошо одновременно, как обычно на групповых снимках после сорока: весёлые лица, чужие подбородки, блеск глаз, лёгкая паника в позах. Денис в центре. Конечно. Не специально, но в центре. Костик рядом, Макс, Лена, Юлька Климова с новым носом и старой улыбкой. Сергей стоял сбоку. Не совсем с краю, но достаточно, чтобы казаться человеком, который зашёл позже и не понял, куда встать. Синяя рубашка сидела нормально. Волосы нормально. Лицо... Лицо было не нормально. Оно улыбалось, но глаза отсутствовали. Не закрыты, не моргнули. Просто отсутствовали. Как окна в доме, где давно никто не живёт.

Он сохранил фото. Потом зачем-то открыл профиль Дениса. Закрытый аккаунт, но часть фотографий видна. Машина. Вид на город. Самолётное крыло. Денис в каске на стройке, Денис в ресторане, Денис с какими-то мужчинами, у которых одинаковые зубы и разные степени опасности. Подпись: «Не скорость убивает, а привычка ждать». Сергей смотрел на эту фразу и чувствовал, как в нём поднимается презрение. К Денису. К таким подписям. К людям, которые фотографируются на фоне бетона и называют это философией. Презрение было приятным, тёплым, спасительным. Пока через секунду не выяснилось, что под ним лежит зависть. Обычная, маленькая, зелёная, как плесень на забытом хлебе.

Таня тихо дышала рядом. Не спала, но уже ушла в свой внутренний дом, куда его сегодня не пустили. Сергей открыл

браузер. В поисковой строке с прошлого раза висело: «как вывести пятно от граната с белой футболки». Маша ела гранат на диване. Был скандал. Не большой. Средний. Один из тех домашних скандалов, которые через неделю никто не помнит, но они всё равно добавляют слои к общей усталости, как краска на старую батарею.

Он стёр запрос и набрал: «как открыть своё дело с нуля». Посмотрел на фразу. Удалил. Слишком жалко. Набрал: «поставки инженерного оборудования бизнес». Удалил. Набрал: «как понять что пора уходить из найма». Удалил. Телефон светил ему в лицо, как маленький дешёвый следователь.

Потом он открыл заметки. Новая заметка. Пустая страница. Мигающий курсор. До смешного похожий на школьную тетрадь. Только тогда сверху было написано «Классная работа», а теперь никто ничего не писал. Сам пиши. Сам отвечай. Сам получай двойку.

Он набрал: «Проект». Потом ниже: «Цель». Посмотрел. Стер «Цель». Набрал: «Выход». Стер. Набрал: «Деньги». Стер. Набрал: «Свобода». Усмехнулся и тоже стёр. Слово «свобода» в руках мужчины с ипотекой выглядело как воздушный шарик у покойника.

В итоге написал: «Не сидеть».

Две строки ниже: «Денис. 12:00. Кофе».

Он смотрел на эти слова дольше, чем нужно. Было ощущение, будто он подписал что-то, хотя ничего ещё не подписывал. Просто написал в заметках. Просто встреча. Просто

кофе. Просто разговор. Просто бывший одноклассник. Просто шанс. Всё страшное в жизни сначала называется «просто».

Сергей положил телефон. Закрыв глаза. Через минуту открыл. Снова взял телефон и поставил будильник на 6:30. Потом на 6:15. Потом на 6:00. Пускай. Надо начинать. Не с понедельника. Не с нового месяца. Не когда ипотека станет меньше, спина перестанет ныть, Таня перестанет смотреть так, Маша перестанет расти, отец перестанет говорить «в твоём возрасте». Сейчас. Завтра. В шесть.

Он включил название будильника и написал: «Встать человеком».

Посмотрел. Стер.

Написал: «Встать».

Так было честнее.

Телефон погас. В комнате стало темно. Таня дышала рядом. За стеной кто-то кашлянул. В батарее щёлкнуло. Машина во дворе пикнула сигнализацией, коротко, обиженно, как будто и она не стала тем, чем обещали в автосалоне. Сергей лежал с открытыми глазами и чувствовал, как его обычная жизнь лежит вокруг него: жена, дочь, квартира, трещина, рисунки, кроссовки, завтрашний день. Всё то, что раньше было домом. Всё то, что сегодня почему-то стало доказательством обвинения.

Он повернулся на бок, спиной к Тане, и почти сразу понял, что не уснёт. В голове ходил Денис. Ходил отец. Ходила

Лена со своим спокойным взглядом. Ходила Маша с шариком возле динозавра. Ходил он сам, семнадцатилетний, худой, наглый, с прыщом на подбородке и ощущением, что мир должен будет подвинуться, потому что иначе зачем весь этот цирк.

Где-то около трёх ночи Сергей всё-таки провалился в сон. Ему приснился школьный коридор, длинный, как взрослая жизнь. В конце стояла дверь с табличкой «КЕМ-ТО». Он шёл к ней, нёс портфель, телефон, ипотечный договор, Машины кроссовки, синюю рубашку, отцовский табурет, Танину чашку с трещиной и огромный золотой кубок с надписью «Почти». Всё валилось из рук, но он продолжал идти, потому что за спиной кто-то всё время говорил: быстрее, быстрее, быстрее.

А утром в шесть телефон заорал так, будто в нём проснулся маленький начальник.

Сергей открыл глаза.

Будильник назывался просто: «Встать».

И он встал.

Глава 3. В шесть утра люди не становятся людьми

В шесть утра Сергей Лисицын понял, что человеком за один будильник не становятся. Можно поставить громкий сигнал, можно назвать его строго, можно даже открыть глаза с выражением волевого реформатора собственной помойки, но тело всё равно лежит на кровати и говорит: иди ты, Серёжа, со своими историческими решениями. Тело не читало мотивационные книги. Тело помнило виски, ресторан, два часа сна, Танину спину рядом и фразу Дениса, которая всю ночь ходила по черепу в ботинках. Телу было тридцать девять, и оно не собиралось изображать двадцатипятилетнего стартапера на утренней пробежке только потому, что какой-то одноклассник в чёрной водолазке сказал: «Ты просто сел».

Телефон орал на тумбочке. Не мелодией, а приказом. Сергей потянулся, нащупал его, хотел нажать «отложить», но увидел название будильника: «Встать». Одно слово. Без пафоса. Без «новая жизнь». Без «ты сможешь». Встать. Самая примитивная, унижительная команда для взрослого мужчины, который вчера ночью решил, что пора перестать сидеть. И вот теперь надо было доказать не Денису, не отцу, не старому школьному коридору из сна, а этой маленькой светя-

щейся гадине, что он способен хотя бы поднять задницу с матраса.

Он встал слишком резко. В глазах потемнело, позвоночник щёлкнул где-то в районе поясницы, и Сергей на секунду замер у кровати, держась за край тумбочки. Очень красивое начало новой жизни: мужчина почти падает в трусах, потому что решил победить судьбу до завтрака. Таня не проснулась или сделала вид, что не проснулась. У неё был талант не просыпаться с такой точностью, что становилось ясно: она всё слышит. Сергей тихо взял спортивные штаны со стула, футболку, носки и вышел в коридор. Носком зацепил Машин рюкзак, выругался шёпотом, потом сам на себя разозлился: новый человек не должен начинать день с матерного шипения на детский рюкзак. Хотя старый человек считал, что рюкзак сам виноват. Лежит поперёк прохода, как доказательство школьной системы против семейной логистики.

На кухне было серо. Не темно и не светло, а именно серо, как бухгалтерский отчёт о погоде. За окном двор ещё спал: машины стояли в ряд, похожие на животных в дешёвом зоопарке, мусорные баки мокро блестели, на детской площадке качели чуть двигались от ветра, будто кто-то невидимый тоже не мог уснуть. Сергей включил чайник, потом вспомнил, что эффективные люди, кажется, сначала пьют воду. Налил стакан. Выпил. Вода была холодная и злая. Он поставил стакан в раковину, тут же вспомнил про Таню и её ненависть к следам вчерашнего, достал стакан обратно, помыл. Смеш-

но. Революция началась с мытья стакана. Великие мужики брали города, строили компании, покупали заводы, а Сергей Лисицын в шесть ноль семь утра тихо мыл стакан, чтобы жена не посмотрела на него потом как на бытовой грибок.

Он сел за стол, открыл заметки. Там было написано: «Не сидеть. Денис. 12:00. Кофе». Вчера это выглядело как начало. Утром — как улика. Сергей посмотрел на слова и почувствовал сразу две вещи: азарт и стыд. Азарт говорил: вот оно, пошло, сейчас ты включишься, соберёшься, перестанешь быть человеком, который покупает кроссовки по акции и оправдывается перед менеджером банка. Стыд говорил: ты даже не знаешь, о чём речь, а уже готов бежать за Денисом, как собака за машиной, которой никогда не управляла.

Он открыл поисковик. Запросы ночью остались в истории: «как открыть своё дело с нуля», «поставки инженерного оборудования бизнес», «как понять что пора уходить из найма». Теперь это смотрелось так жалко, что Сергей быстро очистил историю, будто полиция нравственного возраста могла ворваться в кухню и сказать: гражданин Лисицын, вы обвиняетесь в позднем старте с признаками паники. Потом открыл видео с утренней разминкой. На экране появился парень с идеальным лицом и голосом человека, который никогда не ругался в очереди в МФЦ. Парень сказал: «Всего десять минут, и ваше тело скажет вам спасибо». Сергей посмотрел на своё тело. Тело заранее отказалось благодарить.

Он всё равно расстелил коврик в комнате. Коврик купи-

ли Тане для йоги три года назад, когда она решила «немного восстановить спину и нервы», но потом Маша пролила на него какао, и с тех пор коврик лежал за шкафом, пах резиной, пылью и несостоявшейся гибкостью. Сергей встал на него босыми ногами, включил видео без звука, чтобы не разбудить домашних, и начал повторять движения за безупречным парнем. Через три минуты он вспотел. Через пять — возненавидел планку, коврик, парня, своё отражение в чёрном экране телевизора и всю цивилизацию, которая придумала, что мужчина должен не просто жить, а ещё и держать корпус. На восьмой минуте в комнату вошла Маша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.